Миф о цареубийстве

19 декабря 1825 г. от имени Николая I был издан Манифест, представивший публике новую официальную версию событий. Те, кто хотел сохранить верность присяге и защитить престол, были объявлены заблудшими. В их душах было посеяно ложное сомнение, «священные имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великого князя Константина Павловича было токмо предлогом». «Злоумышленные руководители» тайного заговора, «занесенного извне», ценой человеческих жизней желали «испровергнуть престол и отечественные законы, превратить порядок государственный, ввесть безначалие... [под видом] любви к Отечеству и желания лучшего»[335]. Риторика французского перевода этого Манифеста, опубликованного многими европейскими газетами, была более определенной: всем управляла партия конспираторов (*les conspirateurs*), вынашивавших планы убийства (*les assassins*)[336]. Поначалу речь шла о жертвах 14 декабря, прежде всего о пострадавших в этот день военачальниках: Милорадовиче, Стюрлере, Шеншине, Фридериксе. Однако 5 января петербургские газеты сообщали, что причиной «печальных происшествий 14 декабря... [было] существование гнусного, дотоле подозреваемого заговора... тайного общества, издавна готовившего себя к возмущению», члены которого «умышляли... истребление *всей императорской семьи*, грабеж, расхищение имуществ, *убиение непринадлежащих к мятежническому их сообщничеству граждан* [курсив мой. — *Н. П.*], одним словом все неисчислимые ужасы безначалия»[337]. Вслед за этим Karlsruher Zeitung писала, что целью «комплота» было убийство «кайзера»

[335] Манифест о происшедшем бунте в Санкт-Петербурге 14 декабря, 19 декабря 1825 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. 1. № 6.

[336] Le Constitutionnel. 1826. 21 Jan.

[337] Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 5 янв.; Journal de St. Pétersbourg. 1826. 5/17 янв.; Русский инвалид. 1826. 7 янв.; Северная пчела. 1826. 7 янв.

Александра, корни этого зла проникли в Россию после окончания войны в 1815 г., с тех пор тайное правительство набирало членов, выжидая удобного момента[338]. Новость быстро подхватила европейская пресса самых разных направлений: и хотя низвержение законов порой подменяли на либеральное «стремление к изменению правления»[339] и цивилизации[340], проблема законности восшествия Николая на престол и верность войск данной прежде присяге отступили перед новым ви́дением событий.

Трактовать события в Петербурге в декабре 1825 г. как покушение на жизнь государя значило полностью перевернуть их интерпретацию. То, что такая перверсия оказалась возможна, свидетельствует о небывалом потенциале власти к импровизации[341]. Речь идет не о Николае и не о тех генералах и полковниках, которые приказали стрелять в народ. Речь идет о том знании и рожденном этим знанием страхе, которое было у всех этих людей: у тех, кто вышел на площадь, и тех, кто пришел их усмирять. Когда они рассказывали о произошедшем, это был не просто поединок с теми, кто их допрашивал, и ожидание физического наказания и казни, а поединок с собственными страхами, фобиями, непониманием, как то, что произошло с ними, оказалось возможным. В показаниях отразились их сиюминутные поиски достойного ответа. Допрашиваемые не знали всей картины событий, незнание рождало бессилие, неуверенность и еще больший страх оказаться слепым орудием в чужих руках, лишиться доверия и пострадать. Все это заставляло искать объяснения и говорить. И люди говорили разное.

В изложении следователя знакомство и общее решение людей, несогласных принять «узурпацию», превращаются в «тайное общество», планы, намерения цареубийства. Тайное общество — окутанная тайной организация, в которой никто ничего и никого до конца не знает, где всеми кто-то манипулирует, оставаясь никому неизвестным, этот фантом нужно было связать с конкретными обстоятельствами, последовавшими за смертью Александра. Чем обернулось бы существование общества, если бы в ноябре 1825 г. государь не поехал бы на юг, его не поразила бы лихорадка и не постигла смерть в расцвете лет? «Ничем, общество выжидало бы до лучших времен», — так поначалу отвечали одни. Нет, тайное общество не может быть безопасно. Да, смерть Александра была

---

338 Die Karlsruher Zeitung. 1826. 22 Jan.

339 Le Constitutionnel. 1826. 24 Jan.

340 Le Constitutionnel. 1826. 29 Jan.

341 В данном случае мы имеем дело с тем пониманием «власти», которое предложил Мишель Фуко.

случайностью, но и общество отмерило ему срок не намного больше, если бы он не умер в декабре, годом позже было бы совершено покушение на него. Существование тайного общества, казалось, становилось реальным и представляло собой осязаемую угрозу. События на Сенатской казались естественным элементом давно существовавшего плана. Все логично. Вот, правда, изложить этот план оказалось проблематично для тех, кого допрашивали.

Знаменитая книга Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» начинается с описания казни Дамьена, убийцы Людовика XV, показывает черты переходной эпохи и формирования «новой теории закона, нового морального или политического обоснования права наказывать», а также многочисленные последствия[342]. В XVIII в. еще сосуществовали две принципиально разные концепции цареубийства. Первая традиция имела древние корни, уходящие в Античность, была плотно завязана на мифологии тираноборчества, поединка, единоборства двух героев, в котором решалась судьба народа, снизу вверх взирающего на сражение великих людей. Лишь боги управляют судьбой народа, лишь герои могут управлять им. Момент опасного удвоения моральных оценок возникает в той версии этого сюжета, которая утверждает, отчасти дискредитируя подвиг, точку зрения, что для спасения народа все средства идут в ход, в том числе «камень за пазухой», убийство «из под полы» и «из-за угла». Традиция знает две версии развития сюжета и, соответственно, две противоположные оценки деяния. Это тоже своего рода двуликий Янус (эту метафору мы заимствуем у С. Гринблатта), один лик которого обращен к своим, другой — к врагам.

Согласно первой версии (примером может служить ветхозаветный сюжет убийства Эглона Аодом), это драма триумфа добра над злом, добродетели над пороком, спасение от наказания, залог выхода народа из того положения, на которое он обречен в наказание за беззаконие. Герою удается обманом получить доступ к телу государя, тайком под полой удается ему пронести орудие убийства, чудом ему удается скрыться с места преступления. Подвиг совершен им во имя народа и во исполнение воли Господа, явившего тем самым милость свою, и это дает цареубийце священное право стать основателем новой династии и нового порядка. В этой версии цареубийство трактуется как чудесное избавление от царя-завоевателя, владычеству которого народ оказывается вначале предан Господом в наказание за преступление закона, за непокорность и забвение воли Господа. Затем Господь внимает мольбам и воплям страждущего от непосильного служения народа, проявляет

[342] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. С. 7–9.

милость и благословляет спасителя на подвиг. Согласно этой концепции, народ предан одному лишь Богу. Бог посылает завоевателей и спасителей, наказание и избавление народу. И цари и цареубийцы одинаково выступают орудиями его воли, которая священна. «Придя же [в землю Израилеву, Аод] вострубил трубою на горе Ефремовой, и сошли с ним сыны Израилевы с горы, и он *шел* впереди их. И сказал им: идите за мною, ибо предал Господь [Бог] врагов ваших Моавитян в руки ваши. И пошли за ним»[343].

Но была и другая трактовка этой концепции цареубийства, не менее древняя (примером может случить античная гражданственная традиция). Она предполагает трагический финал развития событий, начавшихся с цареубийства. Убийство Цезаря влечет за собой большое кровопролитие, гражданскую войну, грабежи, пожары, пробуждая лишь низменные амбиции и претензии на власть тех, кто претендовать не имеет права. История, однозначная в трактовке Светония, приобрела дополнительные оттенки, когда Плутарх показал ее с трех точек зрения. Концепция тиранического правления императора, приносящего страдания народу, и связанная с ней теория тираноубийства были известны по «Жизнеописаниям» Светония и Плутарха, по текстам «De officiis» Цицерона, «Государя» Платона, «Политики» Аристотеля, «Геркулеса и Фурена» Сенеки, комментариям Фомы Аквинского к «Сентенциям» Петра Ломбардского. Паскаль в «Письмах» критиковал доктрину иезуитов, вольтеровская Франция следила за речами аббата-янсениста Шовелена, революционная Англия читала Джона Мильтона — вот, пожалуй, наиболее известные тексты. На рубеже XVIII–XIX вв. цареубийц воспевали поэты и драматурги, Давид пишет эпохальные полотна на тему убийства Цезаря, а Блазиус — оперу, о цареубийцах пишут истории и публикуют мемуары. На сцены придворных театров вновь возвращаются трагедии. В трагедиях Шекспира «Макбет», «Ричард», «Гамлет», «Цезарь» убийцы ассоциируются с аутсайдерами.

Так или иначе эти сюжеты обыгрывались в литературе и в Новое время, когда обсуждали убийство Анри IV Равальяком, покушение Дамьена на Людовика XV, убийство шведского короля Густава III Анкарстрёмом, искали мотивы тираноубийства в смерти Лепелетье или Марата, покушении на Наполеона на улице Сен-Никёз или другой попытке покушения на него, совершенной Фри-

[343] Библия. М.: Синодальная тип., 1778. Библия [Ветхий Завет СПб.: Российское библейское о-во, 1823–1825]. Книга Судей, Гл. 3. Стоит отметить, что этот сюжет стал одним из самых маргинальных в библейской иконографии в отличие от образа Юдифи.

дрихом Штапсом, обсуждали смерть русского императора Павла или убийство герцога Беррийского Лувелем. Под покровом ночи убийца пробирается во дворец, обманом проносит под полой плаща или камзола орудие убийства и пытается скрыться, воспользовавшись маской. Что тем самым он совершает — подвиг или преступление — литература давала достаточно объяснительных моделей и предоставляла достаточно материала. В 1792 г., во время бала-маскарада в королевской опере, шведский король Густав III был смертельно ранен выстрелом в спину Якобом Анкарстрёмом. Говорили, Густав, как Цезарь, знал, что на него будет совершено покушение, тоже получил письмо от «раскаявшегося заговорщика» и, как Цезарь, решил идти навстречу смерти. Все заговорщики были в масках. Преступники были задержаны. Престол наследовал несовершеннолетний сын убитого короля при регентстве. Убийство приписывали якобинцам, корни заговора искали во Франции. Во Франции между тем было совершено первое политическое убийство, когда пострадал убийца монарха Лепелетье.

Однако была и другая традиция оправдания цареубийства, которая важнее для характеристики эпохи, о которой идет речь. Связана она с рождением идеи суверенитета народа, которая произвела подлинный переворот, революцию в политическом воображении и имела следствием многочисленные перемены. Одной из них стало представление о подсудности монарха, наряду с другими людьми, общим для всех законам. Монарх больше не источник права и не воплощение воли Господа на земле, он один из простых смертных, а значит, должен отвечать за свои деяния, нести полагающиеся в этом случае наказания. Вопрос о наказаниях всегда был одним из наиболее спорных с этической точки зрения. То, что, с одной стороны, представляется отправлением правосудия, с другой — предстает уголовным преступлением, человекоубийством, смертным грехом и т. д. Два разных отношения к идее смертной казни точно описал Фуко. Однако смертный приговор был не единственно возможным, после Французской революции практиковалось изгнание врагов народа. Наиболее близкую модель, как может сложиться судьба царской семьи после низвержения с трона и провозглашения республики, давала репрезентация революций 1820-х гг. в Латинской Америке и Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте. Газеты описывали регентство, высылку из страны по суше или по морю.

Сценарий романа ужасов, героем которого выступает таинственный убийца в маске и черном плаще, под ним он прячет орудие злодейского замысла (кинжал или пистолет), орудие таинственного договора, также прячущегося под покровом, — эти образы населяли книги на полках бабушек тех, кто вышел в 1825 г. на Сенатскую

площадь, они питали воображение молодых людей 1750-х гг., читателей Вольтера, публики того времени и более поздней эпохи. В 1825 г. планировать нечто похожее было бы столь же экстравагантным, учитывая современный политический контекст и дискурсы революций в Европе и Латинской Америке, как, скажем, в 1991 г. мечтать о реставрации монархии. Время дворцовых переворотов прошло. Тем не менее британский кабинет в 1811 г. грозил России возможностью заговора и цареубийства, обсуждая наиболее простой способ изменения политической ситуации в стране: что невозможно в отношении любого другого европейского правительства, утверждали британские публицисты, еще возможно в царской империи с развитой олигархией.

Времена дамьенов, «отвратительных... в шляпах и сюртуках», готовых с кинжалом под полой отстаивать права парламента и министров ценой жизни монарха, прошли, эти роли превратились в такую же условность, как память о сталинском режиме и шептуны О. Файджеса в наше время[344]. Впрочем, во время суда над декабристами всерьез обсуждался вопрос о четвертовании, но его заменили классическим для европейских уголовников повешеньем, четвертование казалось реминисценцией ужасов далекого «бабушкиного века». Конечно, какие-то вещи могли остаться неизменными или скорее напоминать о прошлом, в котором они брали истоки. Убийство Лувелем герцога Беррийского казалось подражанием событиям прошлого. Иконография двух убийств, разделенных тремя поколениями, очень похожа: сменились моды, вместо камзола фрак, однако по-прежнему покушение происходит у кареты, на улице, где граждане сталкиваются с чернью, где угроза таится в городской толчее и где кинжал под плащом или под пальто уместнее, чем в зале публичных собраний, а в сумерках даже необходим (к этому апеллировал в своих показаниях Граббе-Горский). Неизменна и драматургия: убийство происходило обычно под личиной верноподданности, под предлогом подачи прошения, которое протягивали одной рукой, тогда как во второй держали орудие убийства под полой.

Лувель заколол герцога Беррийского на балу-маскараде в Одеоне[345], пресса вспоминала Равальяка, Шателя, Дамьена и других

---

[344] Имеется в виду книга: *Figes O.* The Whispers. Private Life in Stalin's Russia. London, 2007.

[345] Семеновские офицеры накануне бунта в 1820 г. тоже несли караул в публичном маскараде. Но тогда никому в голову не пришло проводить аналогии. Впрочем, государь находился на конгрессе в Троппау, он распорядился прекратить спекуляции вокруг этой истории... Однако ходили разговоры, что Пушкина выслали из Петербурга за то, что он появился в театре с портретом Лувеля, на котором было написано: «Урок царям».

Луи-Франсуа Шаро. Убийство герцога Беррийского [рабочим Луи Лувелем 13 февраля 1820 года]. 1820 (?). Офорт, раскраска акварелью

Аноним. Покушение Дамьена на Людовика XV 5 января 1757 года. 1757. Офорт

архаичных убийц. Лувель выступил очень вовремя: ультра-роялисты раздували скандал в связи с победой на выборах аббата Грегуара, голосовавшего когда-то за казнь Людовика. «Цареубийцы в парламенте», — поступок Лувеля переводил разогревшую за несколько месяцев дискуссию совсем в другую, практически уголовную, плоскость[346]. Пресса охотнее воспринимала его как политическую провокацию. В августе 1822 г. сообщили о неудачной попытке покушения: неизвестный собирался стрелять в Бернадотта, короля Швеции, совершавшего тур по Норвегии в открытой коляске. Цареубийство казалось настолько отошедшим в прошлое, что пресса иронизировала, как можно принять «спортсмена на лошади» за цареубийцу. В апреле 1823 г. история повторилась вновь, газеты писали об интригах российского двора, консерваторы и сторонники теории заговора приписывали императору план убийства короля и королевской семьи с целью возвести на престол его малолетнего сына при регентстве. Эта версия лишний раз демонстрировала ироническое подрывное отношение к основам легитимизма даже среди охранителей. Война приучила людей к тому, как легко престолы передаются по воле сильного без всяких прав и законных оснований. Оппозиция же писала, что бывший наполеоновский маршал просто стремительно терял популярность и едва ли не сам разыграл эту драму. В 1820-е гг. проекты цареубийства представлялись скорее политической провокацией, чем реальностью. В то же время царственные особы представали скорее политиками, чем помазанниками, такими же, как их министры, которые порой не меньше заслуживают покушения и которые наравне со всеми гражданами подлежат суду за свои преступления.

Убийство из мести — первый сценарий, который готовы обсуждать декабристы, отвечая на вопросы и вызовы следствия. Дуэльное сознание подсказывало относительно легитимные ситуации для убийства человека. Цареубийство представало поединком, сражением двух равных, дорожащих честью людей. Невнятным оставался лишь момент с «вызовом»: в этом сценарии публичный вызов будущий убийца не бросал в лицо обидчику, а торжественно произносил перед всеми разделявшими нанесенную обществу обиду людьми, своими товарищами. Предполагалось, что дуэлянта ждет смерть: «Я обречен», — заканчивал свою тираду цареубийца. Так или почти так были готовы представить театральность этой сцены декабристы. «Всякая дерзость офицера благородных чувств тронет, и он по честолюбию своему, не быв в состоянии перенесть, вступается за себя

[346] *Skuy D.* Assassination, Politics, and Miracles: France and the Royalist Reaction of 1820. Montreal, 2003.

не по службе, а за честь свою, ибо, я полагаю, что каждому своя честь должна быть дороже всего на свете... кто не может защитить собственной чести, тот — ненадежная защита государю и отечеству», — писал Булатов[347]. Он рассказывал, как «испытал оскорбление начальства» (полковой командир арестовал его, невиновного, и наговорил «грубостей и дерзостей перед фронтом») и за это публично угрожал убить его: тем самым «доказал ему, что я имею благородство и дорожу своею честью; он удивился, я ему повторил, и мы остались хороши. После того он был со мной осторожен». Кроме того, Булатов хотел убить императора Александра за несправедливое обращение с его отцом, обвинение в казнокрадстве, отстранение от должности: «...было время, когда и я отваживался лишить жизни покойного государя, но отец мой не допустил меня»[348].

С моделью дуэли ассоциируются горячность, обида, несправедливый приказ, который император отдает как верховный начальник, а не священный наместник Бога на земле. Это поединок равных, спор военных людей. Так, Трубецкой на следствии описывал историю Якубовича: «Якубович... начал много говорить и горячится, и окончил тем, что он из личнаго мщения хотел убить покойнаго Блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича, что он восемь лет носил приказ при себе, тот приказ, по которому он выписан в армию»[349]. Эту историю через несколько дней повторит Булатов: Якубович, якобы, отказался покушаться на Николая в дни междуцарствия: с моральной точки зрения «польза заговора» представала недостаточным мотивом, заговорщики не могут «заставить» его, но «имеют возможность его намерением воспользоваться»[350], в этом сходятся рассказы Трубецкого и Булатова. Последний утверждал, что Якубович говорил следующее: «Я, потеряв всю мою службу, жертвовал собой против горских народов для того единственно, дабы иметь случай отмстить государю, которого я ненавидел, ждал его прибытия и умел бы отмстить за себя. Но, господа, должен вам сказать, что я, к несчастию, имею доброе сердце и на себя не надеюсь: нынешний государь не сделал мне никакого зла, и я не могу его ненавидеть, а отваживаться на жизнь человека и государя надобно иметь злобную душу»[351].

---

[347] *Булатов А. М.* Письмо великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 18. С. 309.

[348] Там же. С. 294, 309.

[349] *Трубецкой С. П.* Ответы на вопросные пункты от 23 декабря 1825 года // ВД. Т. 1. С. 19.

[350] *Трубецкой С. П.* Показания // ВД. Т. 1. С. 36.

[351] *Булатов А. М.* Письмо великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 18. С. 294. Сам Якубович, не подвергая сомнению справед-

Александр Бестужев приписывал Якубовичу такие слова: «Я не хочу принадлежать никакому обществу, говорил он, чтоб не плясать по чужой дудке, я сделаю свое, а вы пользуйтесь этим как хотите. Коли удастся после этого увлечь солдат, то я разовью знамя свободы, а не то истреблюсь, мне наскучила жизнь»[352]. Якубовича отговорили чуть не «на коленях», «он стал лечить свою рану, петербургская жизнь стала ему нравиться», и личная месть оборачивалась едва ли не «безумием», а дуэль — болезнью[353], главной интерпретационной схемой для покушений такого рода у британской прессы.

Булатов утверждал на следствии, что после расстрела на Сенатской площади он поклялся на Евангелии «отмстить государю за изрубленных и за преступных моих товарищей... Я беру на себя распорядиться всем и без всякого обмана буду искать гибели государя и пользы народа и отечества и надеюсь, что не будет неудачи»[354]. Но милость Николая растопила его сердце, и он оставил свое намерение навсегда. На допросе Николай якобы уверял его, что в день 14 декабря был окружен цареубийцами, прятавшими кинжал и пистолеты под одеждой: «Знайте, ваше императорское высочество, что изо всей партии двух самых отчаянных человек государь имел подле себя, и если бы мы искали славы Брута и Риеги, то нашли бы ее с тою разницею, что Риего четвертован, а я был бы изрублен в клочки или растерзан народом, но государь жив, и теперь судите»[355]. В самом конце следствия Каховский, доведенный до отчаяния оговорами и показаниями, обвинениями и угрозами со всех сторон, начал отчаянно бороться за право интерпретации событий и тоже представлял вызов Якубовича как «безумие», «мщение оскорбленного безумца», бесславный, но, главное, бессмысленный поступок: «...идти убить Царя, мудреного ни чего нет — всех зарезать не штука, но, низвергнувши

ливость подобного поединка, отрицал его реальность, этот слух несправедлив: «Я слишком образован что бы неуметь отличить вины тогдашних вельмож от ошибки Государя, ктому же будучи корнетом 20 лет, почти неизвестным, какое было бы безумное самолюбие думать, что Государь лично меня преследует. Нескрою, я в Царствование Покойнаго Государя испытал многие несправедливости по службе, но перевод в Гвардию исправлял мою Кариеру, и делал меня совершенно Им довольным. Приказа о переводе моем из Гвардии я никогда не имел и не имею; одним словом Князь Трубецкой верно ослушался, и я и в помышлении никогда не имел безчестнаго желания стать в памяти потомства наряду с Цареубийцами» (*Якубович А. И.* Ответы на вопросные пункты от декабря 1825 года // ВД. Т. 2. С. 286).

[352] *Бестужев А. А.* Прибавления к показаниям, 27 декабря 1825 года // ВД. Т. 1. С. 434.

[353] Там же.

[354] *Булатов А. М.* Письмо великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 18. С. 303.

[355] Там же.

правление надо иметь возможность восстановить другое»[356], — иначе на место одного тирана тут же явится другой («Тиран пал среди тысяч своих опричников, — что ж такое, что пал — завтра будет другой. Хорошо, если можно поразить тиранство»[357]). Он конкретизировал вызов Якубовича, утверждая, что тот решился убить Александра «в парад на Царицынском лугу», но это уже был совсем другой сценарий[358].

Поединок — не единственная доступная воображению людей переходной эпохи модель. В октябре 1809 г. Наполеон производил *смотр гвардии* перед дворцом в Шенбрунне. На подобные мероприятия обычно собиралась многочисленная публика, особенно в праздничные дни, там были и те, кто хотел посмотреть на Наполеона. Октябрьский смотр уже приходил к концу, когда какой-то одетый в штатское молодой человек успел пробраться между лошадьми свиты и с прошением в левой руке подошел к лошади, на которой сидел император. Его схватили раньше, чем он успел выхватить выхватить из внутреннего кармана своего редингота длинный кухонный нож (романтики позже назвали его кинжалом). По окончании смотра Наполеон пожелал видеть арестованного. Он оказался саксонским студентом Штапсом из Наумбурга. Развернулся такой диалог:

— За что вы хотели меня убить?

— Вы причинили много зла моей стране и всем немцам.

— Вы ослеплены, вы, вероятно, нездоровы? Что я вам сделал?

— Я абсолютно здоров. То же, что и всем немцам.

— Кто вас толкнул на это преступленье?

— Никто. Я твердо убежден, что, убив вас, я сослужу величайшую службу своей стране и всей Европе, на стороне которых я выступаю с оружием в руках.

— А что вы сделаете, если я вас отпущу сейчас на свободу? Будете ли опять пытаться убить меня?

Штапс долго молчал, прежде чем ответить:

— Буду, ваше величество. Этой мой долг.

Наполеон был ошеломлен. Военно-полевой суд собрался вечером. На другой день Штапс был расстрелян, как и другие участники сопротивления.

После войны эту историю рассказывали на разные лады. В послевоенные годы в Германии Штапс превратился в символ немецкого

---

[356] *Каховский П. Г.* Письмо на имя В. В. Левашева от 14 мая 1826 года // ВД. Т. 1. С. 374.

[357] Там же. С. 373–374.

[358] *Каховский П. Г.* Ответы на вопросные пункты от 6 мая и Письмо на имя В. В. Левашева от 14 мая 1826 года // ВД. Т. 1. С. 363, 373–374.

патриотизма[359]. Диалог стал известен широкой публике благодаря воспоминаниям Жана Раппа, наполеоновского генерала. Тому было важно передать непримиримый характер национального сопротивления и фанатизм тех, кто был ослеплен и ставил свободу отечества выше счастья и благополучия своей семьи. В его трактовке Наполеон несколько раз пытался убедить юного студента, сколько горя его заблуждение способно принести его семье и его возлюбленной, но тот оставался непреклонен и утверждал, что его близкие разделяют его чувства и если бы знали о его намерениях, гордились бы им. Рапп представляет поступок Штапса «заблуждением слепой любви к отечеству, свойственную юношеству ошибку». Наполеон же просил доктора освидетельствовать «безумца»[360]. Эту историю затем рассказывали на разные лады, находились те, кто готов был прочитать ее через историю Гая Муция Сцеволы, как описанный Титом Ливием «отчаянный поступок невероятной дерзости», делающий честь юноше и заслуживший одобрение сената[361].

В том, как представлял Трубецкой планы Пестеля, руководителя «общества в армии на юге России», проступают сценарии подобного убийства: «Государь император не в продолжительном времяни будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь. Сам он садился в Директорию. Я ему представлял ужас каковой подобныя убивства нанести должны, что убийцы будут гнусны народу, что людям, никакого имяни не имеющим и неизвестным невозможно сесть в верховное правление, что русской народ не может управляем быть иначе, как государем наследственным... тогда он увидел, что я его подозреваю в личных видах когда я ему стал доказывать что он вместо законного самодержавнаго правления поставляет самовольной деспотизм директоров которым отдает всю высочайшую власть в руки на неопределенное время»[362]. На вопрос, казавшийся ритори-

---

[359] Имя Фрица Штапса стало известно благодаря его отцу, протестантскому священнику, после войны он приложил немало усилий, чтобы найти могилу пропавшего сына, узнать обстоятельства гибели и увековечить память. В 1821 г. Naumburger Kreisblatt представила Штапса примером «немецкого патриотизма».

[360] Eisenbergisches Nachrichtenblatt. 1822. 3 Sept.; *Rapp J.* Mémoires des contemporains pour servir à l'histoire de la République et de l'Empire. Paris, 1823. P. 141–146; The Scots Magazine. 1823. 1 Jul.

[361] После появления в печати мемуаров Луи де Бурьенна (Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'état; sur Napoléon, le directoire, le consulat, l'empire et la restauration. Paris, 1829) история была переработана в духе Ливия (см.: *Тит Ливий.* История Рима. Кн. 2: 12), Эрнст Мунк сравнивал Штапса с Муцием Сцеволой (см.: *Münch E.* Mucius Scävola von Schönbrunn // Münch E. Erinnerungen, Reisebilder, Phantasiegemalde und Fastenpredigten aus den Jahren 1828–1840. Stuttgart, 1841. S. 161.

[362] *Трубецкой С. П.* Показания от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 1. С. 27.

ческим, почему же он не донес на Пестеля, Трубецкой, как и в случае с конструированием плана, отвечал невнятно: разговор был «с глазу на глаз», и ему все равно никто бы не поверил, что Пестеля (реального Пестеля, с которым он был знаком и иногда встречался в Киеве по службе) больше заботили интриги, он боялся, что полк у него отнимут, что начальник штаба 2-й армии имеет на него «какое-то неудовольствие»[363]. В данном случае ни о каком поединке речь не шла. Трубецкой представлял сценарий силового действия, впрочем, непроработанного тактически и стратегически.

Собирая обвинения против Пестеля, следствие требовало от людей из его окружения подтвердить, что он хотел создать «*une garde perdue*», «шайку убийц» (как это называл А. В. Поджио[364]), или «партию из отважных людей вне общества», заговор (как это называл М. П. Бестужев-Рюмин[365]). Важно, что «гнусность идеи» доказывалась в их показаниях не самим фактом нарушения заповедей божественных и законов людских, не само убийство, а смещение и игра с моральными нормами, вот что должно было доказывать преступность намерения. Как показывал Н. Муравьев, после революции этих людей предстояло покарать, объявив «отмщение за императорскую фамилию»[366]. Пестеля обвиняли в намерении «использовать» людей. Речь шла о том, чтобы выбрать своего рода «апостолов революции» — «12 отважных членов». Пестель в итоге согласился с обвинением[367], Барятинский же боролся, протестуя, что этого не могло быть в принципе, «во всей главной квартире» не найти столько знакомых ему людей[368]. Впрочем, сам Пестель говорил о себе так: «Я наиболее всегда занят был обдумыванием моей Конституции». Александр Поджио утверждал, что якобы слышал от Матвея Муравьева-Апостола про план Пестеля» составить из отважных людей «une garde perdue, la confier à Lounin et faire main basse sur tous» [обреченный отряд, доверить его Лунину и истребить всех. — *фр.*][369]. Сценарий напоминал действия Анкарстрёма или

---

363 Там же. С. 28.

364 *Поджио А. В.* Ответы на вопросные пункты от 16 февраля 1826 года // ВД. Т. 11. С. 65.

365 *Бестужев-Рюмин М. П.* Ответы на дополнительный вопросный пункт от 6 марта 1826 года // ВД. Т. 4. С. 134; *Муравьев-Апостол М. И.* Ответы на дополнительный вопросный пункт от 3 марта 1826 года // ВД. Т. 4. С. 137.

366 *Муравьев Н. М.* Ответы на дополнительные вопросные пункты от 27 апреля 1826 года // ВД. Т. 1. С. 324.

367 *Пестель П. И.* Ответы на вопросные пункты от 8 апреля 1826 года // ВД. Т. 4. С. 179–180.

368 *Барятинский А. П.* Ответы на дополнительные вопросные пункты от 3 апреля 1826 года // ВД. Т. 10. С. 275.

369 *Поджио А. В.* Письмо на имя А. И. Чернышева от 12 марта 1826 года // ВД. Т. 11. С. 73. Испанский сценарий в этой истории важен. Поджио вспомнил, как

стрелявшего в Бернадотта, действие должно было происходить по дороге, нападавшим полагалось быть в масках, затем должна была последовать революция: «...партию сию называл он les Conspirateurs... Лунин... в 1816 или 1817 году предлагал с таковою партиею с масками на лице совершить цареубийство на Царскосельской дороге»[370].

Смотры, что приходили на ум на допросах, множились, и описанный выше сценарий проецировался на разные ситуации для обвинения разных людей. А. О. Корнилович показывал, как «Сер[гей] Мур[авьев]-Ап[остол] говорил, что они, полагая, что покойный государь импер[атор] будет осматривать в мае 1826 года 2 армию, намеревались в то время схватить его и принудить к подписи условий, которые будут ему представлены»[371]. В протоколе В. Л. Давыдова сюжет обрастает романтическими деталями: «...хотели употребить на сие какую-то роту или несколько рот *переодетых* офицеров в солдат и исполнить ночью преступное предприятие», когда будут в карауле около спальни императора[372]. Этот сценарий цареубийства напоминал убийство Павла: представлялось возможным предпринять покушение после банкета, в спальне императора или хотя бы в обеденной зале, куда могли бы ворваться гвардейцы. На следствии же гвардейский смотр, как в случае с Бонапартом, придворный маскарад, как в случае с Анкарстрёмом, или пригородная дорога, как в случае с Бернадоттом, упоминались чаще. У Федора Вадковского это ассо-

---

однажды он заезжал к Матвею Муравьеву-Апостолу и, «возвестив ему о смерти Риего», ставшей известной из газет: «...погиб человек, тот самый, которой уничтожил Инквизицию [и] пытки, избавил много заточенных тех самых провозгласивших в 1809 г. Конституцию, проливши кровь свою для избавления ея, отечество свое от ига Наполеона; та самая Конституция которою Государь Наш признал настоящею в 1812-м году в Великолуцком трактате с Испанией и которую однако ж теперь разрушили как беззаконную говоря, что политика Государя нашего прежде движимая избавлением народов теперь обратилась на подавление их» (там же). Поджио показывал на допросе, что Муравьев-Апостол говорил в ответ, что «Риего сам виноват, должен был основать республику и ни как не верить присяге Тирана» (там же). Россию уподобляли Испании, хотя ни пыток, ни инквизиции в стране не было, но в фигуральном смысле такие «гонения», казалось, не за горами.

370 *Пестель П. И.* Ответы на вопросные пункты от 1 апреля 1826 года // ВД. Т. 4. С. 159.

371 *Корнилович А. О.* Ответы на вопросные пункты от 29 декабря 1825 года // ВД. Т. 12. С. 325–326.

372 Протокол показаний В. Л. Давыдова от 21 января 1826 года // ВД. Т. 10. С. 186; *Давыдов В. Л.* Ответы на вопросные пункты от 10 апреля 1826 года // ВД. Т. 10. С. 227; *Бестужев-Рюмин М. П.* Ответы на вопросные пункты от 16 февраля 1826 года // ВД. Т. 9. С. 90.

циировалось с «большим балом в Белой зале»[373], Артамон Муравьев вспоминал про «бал в Грановитой палате»[374]. В показаниях Пестеля обстоятельства маскарада и дороги накладываются и контаминируются, он показывал возможность покушения «с масками на лице... на Царскосельской дороге»[375]. Каховский перечислял маскарад, новогодний праздник, маскарад, праздник в Петергофе, парад на Царицыном лугу в качестве возможных декораций для тираноборческого подвига, который в то же время казался ему бессмысленным в сравнении с революцией. Если один тиран пал, «завтра будет другой, хорошо если можно поразить тиранство... низвергнувши правление надо иметь возможность восстановить другое; а иначи... безумно приступать... закон есть воля народа»[376]. В показаниях Каховского, Батенкова[377] и Булатова[378] есть нечто общее — аллюзия к истории Брута.

---

[373] *Свистунов П. Н.* Ответы на вопросные пункты от 22 апреля 1826 года // ВД. Т. 14. С. 348.

[374] *Муравьев А. З.* Ответы на вопросные пункты от 23 апреля 1826 года // ВД. Т. 11. С. 120.

[375] *Пестель П. И.* Ответы на вопросные пункты от 1 апреля 1826 года // ВД. Т. 4. С. 159. В. С. Парсамов отмечает символическое значение масок в данном тексте, «вместе с кинжалом они образуют атрибуты трагедии» (*Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. С. 164).

[376] *Каховский П. Г.* Письмо В. В. Левашеву от 14 мая 1826 года // ВД. Т. 1. С. 373.

[377] *Батенков Г. С.* Показания от 15 мая 1826 года // ВД. Т. 14. С. 122: «Я исполнен был лично патриотического жара до того, что сам хотел независимо ни от кого броситься в Совет или Сенат и указать, какой день пропускается без внимания. Вот что разумел я; но тогда я был бы Брут; теперь — солдат Рылеева. Три дня токмо, как я сие понял».

[378] *Булатов А. М.* Письмо великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 18. С. 299. Он рассказывал, как, узнав о «суматохе в городе», собирался 14 декабря в центр города: «...войдя в комнаты, велел себе дать одеться, увидел брата и попросил его о пистолетах; брат долго колебался, но я сказал ему: “Любезный друг, подумай, чтобы я посягнул на чью-нибудь жизнь; ты можешь быть уверен, и что, кроме как на самого себя, ни один пистолет употреблен не будет”. Брат жалел меня, но зарядил пистолеты, ибо они были со шпелером; я не умел их зарядить, да к тому же я торопился одеться. Я приказал оседлать себе подручную лошадь и, быв совершенно готов, взял заряженные пистолеты, один из них и кинжал я спрятал за пазуху, другой — в карман. Прощаясь очень хладнокровно с моим братом Александром, имел несчастие похвастать брату моему, что если я буду в действии, то и у нас явятся Бруты и Риеги, а может быть, и превзойдут тех революционистов; имена сии я не так хорошо знал по их деяниям, как по беспрестанным произношениям меньшого брата моего» (*Там же*). В. С. Парсамов видит в подобном «стремлении к римскому колориту не просто дань исторической эстетике, но и необходимость отмежеваться от двух ближайших по времени цареубийств: казни Людовика XVI и убийства Павла I» (*Парсамов В. С.* Декабристы... С. 165).

К концу следствия сюжеты становятся все более стилизованными. Каховский приписывал Рылееву и Штейнгейлю повторение исторических сценариев в духе российских дворцовых переворотов XVIII в. (под шум революции «при взятии дворца» ночью или «будто освобождая потом из крепости» истребить императорскую фамилию, а цесаревича убить в Варшаве), или же в духе бунташного XVII столетия они обсуждали возможность захватить императорскую семью во время богомолья при коронации, «на всеночной в церкви у Спаса за Золотой решеткой»[379]. Убийцу Константина следовало «схватить», объявить заказчиком убийства Николая и публично казнить или отдать на растерзание народу[380]. Моряки думали о виселице, возможности казни царя как обычного уголовника[381].

Литературные источники и опыт чтения объединяют эти попытки правильно выстроить подходящий ответ на вопрос следствия. Булатов вспоминал статьи европейских газет, обсуждавших в период междуцарствия пущенную газетой The Morning Post версию убийства Александра в Таганроге: «12-го... поехал я к Рылееву... застал у него дамскую компанию неизвестных мне дам, пил чай. Начали собираться и не более как ротные командиры... это время вошел, кажется, Щепин-Ростовский, Московского полка офицер, с запискою в руках и читал следующее: “Государь император, почивающий ныне в бозе, был в опасности в Таганроге и что двое каких-то отважных людей готовились отнять жизнь у него”. Моряки думали о виселице[382]. Тут я, в свою очередь, рассказал им, что было время, когда и я отваживался лишить жизни покойного государя, но отец мой не допустил меня»[383]. Затем похожий мотив появится в протоколе допроса Бестужева-Рюмина: «...решились послать несколько членов в Таганрог для истребления Государя и потом целым корпусом идти на Москву»[384]. Слухи об аресте цесаревича Константина отразились в показаниях Андреевича и Борисова: «...ежели бы имели способы то бы могли арестовать Его Высочество Цесаревича при проезде его чрез Новград-Волынский из Варшавы в Таганрог»[385]. В соответствии с логикой страха и подозрения то, что накануне 14 декабря несколько заговорщиков несли караулы во

---

379 *Каховский П. Г.* Письмо В. В. Левашеву от 14 мая 1826 года // ВД. Т. 1. С. 373 и сл.

380 Там же.

381 *Дивов В. А.* Показания, март 1826 года // ВД. Т. 14. С. 300.

382 Там же.

383 *Булатов А. М.* Письмо великому князю Михаилу Павловичу от 25 декабря 1825 года // ВД. Т. 18. С. 294.

384 Протокол допроса М. П. Бестужева-Рюмина от 19 января 1826 года // ВД. Т. 9. С. 39.

385 *Борисов П. И.* Ответы на вопросные пункты от 13 февраля 1826 года // ВД. Т. 5. С. 33.

дворце, можно было интерпретировать как «планы», чем больше вопросов по этому поводу задавалось, тем больше версий давали допрашиваемые. Александр Бестужев так оспаривал реалистичность «таганрогского» плана: «...одного убийцу найти можно, но многих никогда. Равальяки родятся веками, но к щастию человечества не дюжинами». Найти партию в десять человек невозможно, «все, кто действовать назначались, должны были быть чисты»[386].

Многие сюжеты на следствии удваивались, множились. Давление следствия сочеталось с неопределенностью намеков, общими фразами, которые не имели никаких оснований в реальности. Трудно было угадать, что нужно сказать на допросе, чтобы сложилось «сотрудничество» со следствием. Хорошо знакомые люди, близко знавшие судьбу друг друга, могли припомнить какие-то факты, пытаясь угадать по намекам, о чем могла идти речь в показаниях того человека, что должен был их «уличать». Но порой следователи умышленно или нет путали имена, сталкивали случайных знакомых или тех, кто не имел ничего общего, людей, ничего не знавших друг о друге и с трудом понимавших, о чем идет речь. Это непонимание интерпретировалось как «запирательство», об этом мы хорошо знаем из «покаянных» писем подследственных, их прошений на высочайшее имя, следователи на допросах задавали общие ориентиры и ключевые понятия. Всю же примитивную драматургию такого рода дел выстраивали сами арестованные, которые были вынуждены подгонять факты реальной прошлой жизни под это «прокрустово ложе» официальной версии о заговоре, тайном обществе, планах переворота и намерениях совершить цареубийство. Что рассказывать? Как рассказывать так, чтобы не погубить себя и других людей? Каждый делал этот моральный выбор по-своему. В данном случае для нас важно, что практика уличения показаниями мало знакомых или мало общавшихся в последние годы людей, на уровне общих понятий описывавших то, на что не откликалась ни память, ни воображение, часто приводила к появлению похожих сюжетов. Структурно они оказываются почти идентичны, хотя речь, казалось бы, идет о разных людях, в разные годы «замышлявших» разное. Так, скажем, множатся планы цареубийства.

Существовал сюжет с получением известия, что государь император принял решение («решился»), вследствие которого «Польша отделяется от России, польские губернии возвращаются Царству Польскому». Такое его решение «не может исполниться без сопротивления». Члены царствующей фамилии по очереди адресуются

---

[386] *Бестужев А. А.* Прибавления к показаниям, 27 декабря 1825 года // ВД. Т. 1. С. 435.

к нему в Варшаву и «отправляются» туда, от него ждут, что он пришлет («издаст») Манифест, и это может вызвать междоусобие («народ примется за оружие противу дворян и во время всеобщего смятения Польские губернии будут присоединены к новому царству»). Такое известие способно «произвести чрезвычайное действие»[387], те, кто захочет это остановить, могут покуситься на императора.

В протоколе первого допроса Никиты Муравьева перипетии «междуцарствия» превращаются в план цареубийства. Следователи устанавливали, кому тогда Трубецкой мог писать о происходящем в Петербурге, о слухах и планах «заговорщиков». Его связи с Никитой Муравьевым были не раз подтверждены как самим Трубецким, так и его «сообщниками». Как писал Н. М. Дружинин, автор блестящей политической биографии Н. Муравьева, «междуцарствие и восстание застали Н. Муравьева в Орловской губернии, в обстановке семейного круга и общественной изоляции» он решал финансовые проблемы, занимался делами имения, где обедневшие крестьяне не имели возможности платить. Из деревни его привезут в Петербург для допроса. Его будут спрашивать о Якушкине, о каком-то письме Трубецкого, о содержании переписки последнего с кем-то в Москве или Сергеем Муравьевым-Апостолом, о тайном обществе и сюжетах междуцарствия. Все эти предположения, как мозаика, сложатся в новый и странный сюжет «о покушении Якушкина на цареубийство». Что Муравьев действительно рассказывал, мы не знаем, но однажды рассказанная история всплывала на разных допросах, обрастая не столько деталями, сколько «подтверждениями». Вот что было сказано в протоколе допроса Никиты Муравьева: «В это время пришло к Якушкину письмо от Князя Трубецкаго из П. б. в котором он извещал его, что Государь Император решился отделить Польския губернии от России и зная, что таковое предприятие не может исполнится без сопротивления, едит со всею Царствующею фамиллиею в Варшаву, из коей издаст Манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие против дворян и во время всеобщаго смятения Польския губернии будут присоединены к новому Царству. Такое *нелепое* [здесь и далее курсив мой. — *Н. П.*] известие произвело чрезвычайное действие. Якушкин, который несколько лет уже *мучился несчастною страстью* и котораго друзья с трудом несколько раз спасали от собственных рук, представил себе, что смерть его может быть *полезна России*. Убийца не должен жить, говорил он, я вижу, что Судьба меня избрала жертвою: я убью Царя и после застрелюсь»[388]. Фонвизин и Сергей Мура-

[387] *Муравьев Н. М.* Ответы на вопросные пункты от 5 января 1826 года // ВД. Т. 1. С. 306.

[388] Там же.

вьев-Апостол «нашли это обвинение нелепым», Трубецкой «не мог привести никаких доказательств достоверности сих ужасных предположений», Якушкин «преодолел страсть свою и *женился* на другой особе»[389]. Якушкин показывал, что остальные «предложили мне разделить со мной опасность предприятия и предоставить жребию назначить того, кто должен совершить оное; но я отверг их участие, не желая никого из них подвергнуть опасности...»[390]

В Британии покушение на жизнь короля ассоциировалось с безумием, следствием помешательства, душевной болезни, исключавшими какие бы то ни было серьезные политические коннотации. Независимо от политического режима всегда найдется несколько человек, которые дошли до отчаяния и которым можно внушить, что правительство — причина их отчаяния, никакое представительство не гарантирует от этого[391]. Решившийся на цареубийство человек дошел до края, испытывает личное угнетение и подавленное состояние, не видя иных попыток решить проблему и не надеясь уже на Бога. В 1786 г. говорили даже о «политическом безумии», имея в виду пропаганду принципов цареубийства и обращение их в действия[392]. В этом году Маргарет Николсон напала на Джорджа III. О том, как она протянула петицию у кареты и нанесла королю два удара ножом, в 1810 г. напишет Шелли, приписав Маргарет характерные мотивировки: безумна, бедна, потеряла работу из-за любовной связи, любовник бросил ее. Как ни странно, ее сравнивали с Дамьеном. 15 мая 1800 г. Джеймс Хадфилд стрелял в короля из пистолета в театре. Современники писали, что он был ранен саблей в голову семь раз, верил во второе пришествие Христа и сам сознался в заговоре с другим милленаристом. Недаром у Якубовича, также раненого в голову и демонстрировавшего публике, была репутация цареубийцы и «безумца»[393]. В 1820 г. Тургенев также воспринимал убийство Лувелем герцога Беррийского, как дело сумасшедшего одиночки, не связанное с либеральными реформами.

Однако на риторическом уровне британские радикалы продолжали выстраивать сюжет по романтическим канонам, сравнивать себя с Брутом и оправдывать убийство, ссылаясь на Руссо: если правосудие невозможно, цареубийство превращается в право человека, который вынужден взять дело в свои руки. В прессе были

---

389 Там же. С. 306–307.

390 *Якушкин И. Д.* Ответы на вопросные пункты от 7 февраля 1826 года // ВД. Т. 3. С. 52–53.

391 The Northampton Mercury. 1819. 28 Aug.

392 *Poole S.* The Politics of Regicide.

393 *Каховский П. Г.* Письмо В. В. Левашеву от 14 мая 1826 года // ВД. Т. 1. С. 373.

Маргарет Николсон, пытавшаяся 2 августа 1786 года
убить Его Величество короля Джорджа III... 1786.
Гравюра акватинтой по акварели Роберта Дитона

распространены сравнения современных политиков с Цезарем, Октавианом. На практике радикалы использовали иные формы коллективного протеста против действий власти. Однако доминировавшая в 1820-х гг. политическая культура тори не могла допустить существования права на протест, представляя короля и регента патриархами, а не цезарями. Лидеры партии вигов отстаивали право на свободу слова и индивидуальный протест, но отрицали право коллективного народного протеста в форме атаки толпы, а не петиции. Пример такого действия толпы — атака на королевскую карету в 1795 г. — представлялся повторением ужасов Французской революции и доказательством того, что «низы сами хотят быть тиранами»[394]. Подданным отводилась роль пассивных и покорных[395].

В Британии к тому времени стали чаще бояться покушений на жизнь политиков, чем на короля, и в большинстве случаев истории были раздуты, как с «покушением» в феврале 1817 г., когда в карету Джорджа IV полетел камень. Когда же в феврале 1818 г. герцог Веллингтон приказал арестовать Кантильона и Марине, якобы организовавших заговор с целью покуситься на него, суд оправдал их. Два года спустя достоянием прессы стал заговор на улице Катона якобы с целью покушения на членов правительства Ливерпуля, причем журналисты стремились скомпрометировать радикалов перед выборами. Якобы реформаторы и «друзья народа» склонны к обману, грабежам и убийствам, они планировали ворваться в дом лорда и перебить всех членов кабинета во время обеда. Газеты публиковали речь Престона (одного из участников митинга на Спафилдс, корреспондента Спенса), которую тот произнес на допросе, в этой речи якобы воспевалась сладость гибели во имя свободы, час триумфа (ср. слова, приписываемые на петербургском следствии Одоевскому: «...Умрем! Ах, как славно мы умрем!»[396]). Дело развивалось на фоне выборов, пресса беспокоилась, что избиратели, недовольные высокими налогами, проголосуют за то, чтобы каждый налогоплательщик имел право голоса. С таким лозунгом выступали ультрарадикалы, по мнению охранительной прессы, голосовать за ультрарадикалов — то же самое, что поддерживать атеистов и богохульников. Газеты

---

394 *Poole S.* The Politics of Regicide.

395 Ibid. Десятилетия спустя, когда декабристы возвращались в Россию, в ходу была уже новая концепция терроризма, она звучит, скажем, в записках Михаила Пущина: «Мне случалось в то время <... > слышать за обедом, что один пистолетный выстрел в Петербурге подымет всю Европу» (*Пущин М. И.* Из «записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. I. С. 232. Газеты тогда обсуждали покушения террористов.

396 *Штейнгейль В. И.* Ответы на вопросные пункты, 9 февраля 1826 года // ВД. Т. 14. С. 160.

призывали избирателей сделать правильный выбор в пользу лояльности, конституционной независимости. Журналисты апеллировали к приверженности читателей интересам Британии: древние британцы всегда поддерживали лояльность, верность, систему правительства, в самое ужасное время смогли сохранить права благородные, вершить деяния, защищать закон и подавлять подстрекательства к бунту, анархии и бесчестию. Гнусное убийство богопротивно. Народность, религия и порядок противопоставлялись «химерическим» реформам. Охранительная пресса представляла заговор желанием радикалов отомстить за бойню на митинге Петерлоу в Манчестере, когда йомены и кавалерия перебили много мирных манифестантов, затоптали женщин и детей, устроив «Ватерлоо» на площади перед собором Петра. Джордж Эванс открыл правительству заговор, в результате обыска были изъяты деньги, амуниция и прокламация к народу, в которой провозглашались уничтожение тиранов, создание временного правительства, солдатам было обещано сокращение срока службы, увеличение жалованья и т. д.[397] На допросах речь шла о планах предать город грабежу и убийствам. Между этими двумя происшествиями — восстанием на Сенатской и заговором на улице Катона — было много общего: оба были связаны с уличными беспорядками, которые имели место в тот самый момент, когда предыдущий государь умер и корону должен был получить наследник, в обществе зародились надежды на широкие демократические реформы, облегчение налогового бремени и иные милости для подданных. Дело о заговоре на улице Катона рассматривалось на фоне обсуждения скандального развода в британской императорской семье, неготовности народа принять монаршью волю и признать легитимным волюнтаристское нарушение порядка, предуготованного Священным союзом. Внешне верноподданнические, эти акции актуализировали идеи о роли народа не просто как политической силы, но едва ли не как источника суверенитета, в обоих случаях возникали революционные аллюзии и сравнения с событиями Французской революции, также начавшимися с верноподданнических манифестаций. Среди публицистов и партийных лидеров находились те, кто связывал доказательства заговора и подготовки покушения на министров, донесения про смелые речи молодого ирландского радикала с работой провокаторов Дж. Каннинга[398], а само дело называл фабрикацией. Другие считали проходивших по этому делу безумцами, третьи — безумцами, которых используют провокаторы, четвертые — пьяницами, пятые — масонами, шестые — честолюбцами, бонапартиста-

[397] The Morning Post. 1820. 12 Apr.
[398] The Liverpool Mercury. 1820. 17 Mar.

ми[399]. В итоге пятеро приговорены к повешению, и приговор приведен в исполнение[400].

Революция 1789 г. для большинства стала рубежом, отделившим воображение и модели прошлого века от последующих. Закон был поставлен выше воли монарха, члены императорской семьи, как и прочие граждане, должны были подчиниться действию закона. Триумф идеи народного суверенитета, законности и легитимности народовластия, возможности подвергнуть суду короля, который прежде считался сувереном, а теперь оказывался лишь одним из граждан, — все это делало ненужными и бессмысленными «театрализованные» покушения с целью сменить режим, но сделать это незаметно, как если бы все происходило естественно и неизбежно. Весь смысл акта 1825 г., казалось, противоречил этому. Открытый протест на площади против незаконности, несоблюдения «коренных установлений», против того, что народ заставляют присягать бездумно и кому велят, против неуважения к святости присяги, за которыми стоят атеизм и святотатство (а ведь в этом так часто упрекали французских революционеров), теперь выражали те, кто претендовал на суверенитет и верховенство вместо монарха. В основе свершившегося лежала идея народного суверенитета — непризнание права распоряжаться его судьбой по завещанию или по праву родства, непризнание суверенитета монарха. Найденный в бумагах Трубецкого Манифест Сената должен был объявить выборность представителей всех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной — и открытое, гласное отправление ими своих функций, свободу печати, равенство прав и обязанностей всех граждан, в том числе общую обязанность заботиться об обеспечении безопасности и управления, содержать и участвовать в них, а значит, свободу предпринимательства. Налог с доходов от свободного предпринимательства и гражданское самосознание, чувство долга должны были стать залогом безопасности и управляемости государства. Манифест провозглашал народ источником суверенитета и субъектом власти, вводил безвозмездное отправление общественных обязанностей (краткосрочных и выборных, но являющихся долгом каждого гражданина), объявлял создание всесословной милиции на случай войны собираемого ополчения, а также внутренней народной стражи для обеспечения правопорядка, это был самый уязвимый пункт проекта, где в начале объявлялось «уничтожение» армии, а затем лишь «убавление срока службы для нижних чинов»[401]. Идея

[399] The Stamford Mercury. 1820. 14 Jul.
[400] The Norfolk Chronicle. 1820. 20 May.
[401] Черновик Манифеста, найденный в бумагах С. П. Трубецкого // ВД. Т. 1. С. 107–108.

суверенитета народа как бы сталкивалась с силой солдатской толпы и входила в противоречие с ней.

За годы Французской революции цареубийство стало ассоциироваться с деятельностью новой революционной администрации, «директорией цареубийц», то есть всеми, кто *голосовал* за казнь короля, а не покушался на него с оружием в руках, с теми, кто служит гражданам, стране, правительству послереволюционной Франции, с самой Французской республикой как политической силой. Цареубийство отныне ассоциируется с якобинизмом, атеизмом, идеей общего блага как фиксированного закона природы и фундаментального права человека и идеей, что все правительства, не являющиеся демократическими, оказываются узурпацией, и следовательно, все короли вместе со своими семьями могут быть преданы смерти ради общего блага[402]. Под этим подразумевается скорее идея партийности революционной, призывающей к передаче прав народу, а не реальный физический акт насилия, цареубийство превращается в метафору. Для сравнения: в Петербурге на следствии его представляют скорее как театральную сцену. «Россия — вот пример реального заговора с целью цареубийства», — писала европейская пресса[403].

Показания оказываются, как пазл, составлены из разных конкурирующих идеологий, разобрать их разные обертона и оттенки помогают материалы прессы. Исследование этих идеологий представляется перспективным направлением дальнейших исследований того явления, которое в литературе традиционно ассоциировалось с декабризмом.

Мифология тайного общества

На следствии в признательных показаниях часто, порой навязчиво воспроизводилась логика наводнивших послевоенную Европу ультрароялистских консервативных, охранительных брошюр, статей, памфлетов, направленных против «революционной заразы» и приписывавших все потрясения послевоенной Европы проискам

[402] The Scots Magazine. 1796. 1 Nov.

[403] The Morning Chronicle. 1826. 15 Aug.; The Northampton Mercury. 1826. 29 Jul.; Sheffield Independent. 1826. 29 Jul.; The Morning Chronicle. 1826. 25 Jul.; The Morning Post. 1826. 24 Jul.; The Dublin Evening Mail. 1826. 24 Jul.; The Morning Chronicle. 1826. 21 Jul.; The Morning Post. 1826. 21 Jul.; The Morning Chronicle. 1826. 2 Mar.; The Sussex Advertiser. 1826. 13 Febr.; The Derby Mercury. 1825. 28 Dec.